

Три желания: Меткоискатели до того, как они изменили мир

Автор: Xepher

Глава десятая: Стараясь увидеть лучшее

Позже, на этой же неделе, Свити заканчивала очередной урок с Флаттершай. Жёлтую пегасочку, похоже, вообще не испугала когтистая лапа кобылки. Напротив, она с интересом принялась разглядывать все шестерёнки и поршни внутри и даже указала на пару деталей, не совпадающих по строению с реальной собачьей лапой.

Попрощавшись, единорожка пошла домой, напевая простенькую мелодию и наслаждаясь наступившей весной и проведённым с самой доброй пегаской временем. Тут на её пути попались они.

Даймонд Тиара и Сильвер Спун шагали прямо по дороге, нарочно преградив ей путь.

— Эй, убогая! — своим обычным задиристым тоном заговорила Тиара. — Готовишь костюм пирата к следующему шоу талантов?

— Ага, колченогая! — вторила ей подруга. — Или собачки?

— О, может, она хочет быть задохлым морским псом?

Свити почувствовала, как всё вокруг замедляется. Или просто ускорялись её мысли — единорожка до сих пор не до конца понимала свою магию. Итог был одинаковым, по крайней мере с точки зрения кобылки. В её распоряжении было время всего мира. Вопрос оставался лишь в том, как именно им распорядиться.

Эти двое забияк годами не давали покоя ей с подругами — равно как и остальным жеребяткам из школы. В свои предыдущие встречи с ними, до того как она узнала о своих способностях, Свити всегда смущалась и робела. Насмешки вызывали у неё желание просто поджать хвост и убежать, избегая любого лишнего внимания. Теперь же ситуация была другой.

Во-первых, сейчас она была, наверное, самым могущественным единорогом — или единорогом-големом — в мире. С помощью своей магии Свити могла рассечь Даймонд Тиару с Сильвер Спун напополам ещё быстрее, чем волка тогда. Хотя этот способ был грязноват. Можно было их без проблем испарить, позволить рассеяться дымком водорода, озона и угарного газа. Она могла содрать с них кожу, вскипятить в жилах кровь или смять всей силой удара поезда. Не захотев тратить так много сил, единорожка легко бы сломала пару костей или подожгла им хвосты, причинив временные травмы. Она могла просто склеить их копыта вместе, покрасить в клеточку и повесить на школьном флюгере, чтобы все смеялись. Не беря в расчёт магию, Свити могла исцарапать их своими новыми когтями или столкнуть в грязную канаву у

дороги. Она могла всё, и для неё «всё» представляло куда больший список возможностей, чем для обычных пони.

Однако изменилось и кое-что ещё, причём куда более важное. Свити начала глубже постигать саму себя. То, кем она была на самом деле. Понимание этого и несло истинную силу, а задиры просто били в слабое место, лишь только почуяв у кого-то неуверенность в себе. Они вгрызались в эти бреши и дразнили всех вокруг себя за малейшие отличия от остальных. Однако Свити вдруг ясно поняла, что эти двое навсегда потеряли свою власть, по крайней мере над ней.

Уж что единорожка знала о себе наверняка — что она не была ни злой, ни мстительной. И поэтому она бы не совершила ничего из тех ужасных вещей, пусть даже и могла физически. Ей пришлось убить волка, только потому что это было единственным выходом — только так Свити могла спасти подруг. И даже тогда она сделала всё, что было в её силах, чтобы создание не мучилось. Тот древесный волк хоть и был жестоким монстром, но вообще-то заслуживал даже больше уважения, чем эти две кобылки перед ней. Он был зверем, возможно, больным. Он мог даже не осознавать, что делает.

Даймонд Тиара и Сильвер Спун же творили зло по собственной воле, хоть и обратимое и в куда меньших масштабах. Поэтому Свити, как ни странно, было легче сопереживать чудовищному зверю, оторвавшему её собственную ногу, чем этим двум пони. Хотя всё равно она не могла оставаться к ним безучастной. Единорожке было интересно: что же произошло такого в их жизнях, отчего они теперь так страдали? Каково это — жить в мире, где злоба и насмешки являются единственным способом общения с окружающими? У самой Свити были лучшие на свете друзья, любящая семья и вообще всё, что нужно для счастья. Кобылке оставалось лишь предположить, что Даймонд Тиара и Сильвер Спун столь же сильно страдали внутренне, сколь злобно они вели себя внешне, и на самом деле им просто нужен был друг. Потому она сделала единственное, что могла сейчас.

Она обняла их.

— Ты что сделала? — переспросила Эппл Блум, когда они со Свити и Скуталу собрались в домике на очередную ночёвку.

— Я обняла их обеих и пригласила в гости, посмотреть нашу новую штаб-квартиру!

— Этих двух? Серьёзно? — тоже слегка раздосадованно спросила Скуталу.

— Ты сама приглашала их на свою кьютсеньеру.

— Это другое. Я хотела им показать, насколько я крута.

— Что ж, в любом случае я была искренна. Надеюсь, они когда-нибудь примут приглашение.

— Но... Почему? — спросила Эппл Блум. — Ты же знаешь, они только всё портят и постоянно вставляют всем палки в колёса.

— Не знаю, мне кажется, им просто нужны друзья.

— Мы же уже пытались подружиться, — возразила Эппл Блум. — Не сработало!

— А сильно ли ты пыталась?

— Эппл Блум права, — вмешалась Скуталу. — С ними такое не прокатит!

— То есть ты пыталась подружиться с тем же рвением, с каким училась летать?

Скуталу молча уставилась на Свити, пытаясь придумать ответ, но кобылка просто продолжила:

— Когда у тебя не получалось подняться в воздух, ты продолжала пытаться. Ты старалась дольше и упорнее любых пегасов, о которых я только слышала. Ты не сдавалась. И, Эппл Блум, — повернулась Свити к земной пони. — А как сильно ты пыталась подружиться? Так же сильно, как пыталась спасти сестру?

— Свити, — проговорила та, — это совсем другое...

— Нет! — воскликнула единорожка, как никогда полная решимости донести свою правоту. — Это одно и то же! Нельзя сдаваться только потому что тяжело. Нужно поступать правильно, несмотря ни на что.

Скуталу и Эппл Блум прижали уши от этой тирады. Свити же глубоко вздохнула, давая напряжению схлынуть, прежде чем продолжить.

— Слушайте, я понимаю, что это тяжело. Даймонд Тиара и Сильвер Спун — те ещё негодяйки. Они над нами годами издевались. Но вчера, когда я их встретила на дороге, у меня в голове просто что-то щёлкнуло. Что если мы попробуем вместо злых задир — которыми они пытаются казаться — увидеть в них лучшее? Я правда считаю, что в глубине души им всего лишь грустно и одиноко. Мы должны быть взрослее, должны сами предложить помощь, пусть нам и придётся пытаться снова и снова.

— Увидеть лучшее? — переспросила Скуталу. — А что если в глубине души они окажутся ещё хуже?

— Куда уж хуже? — усмехнулась Свити. — Ну, то есть, что они сделают? Обзовут тебя цыплёнком и натравят гигантского древесного волка?

Скуталу рассмеялась, и даже Эппл Блум хихикнула.

— Об этом я и говорю, — сказала единорожка. — Думаю, они уже не смогут причинить нам вреда. После всего, что мы видели и сделали, пара насмешек от двух избалованных кобылок для нас лишь шутка. Но шуткам уже нет места, если мы можем помочь этим двоим стать лучше, согласны?

— Ага, — уже искренне произнесла Эппл Блум. — Если бы ты кого другого выбрала, я бы нисколько не возражала против дружбы. Но ты права, нам стоит видеть лучшее в каждом, даже в Даймонд Тиаре и Сильвер Спун. Как знать, если они перестанут задирать остальных, может, мы сделаем доброе дело для всех жеребят.

Обе кобылки повернулись к Скуталу.

— Лады, — сказала она, — я в деле. Пытаться завести с этими двумя дружбу уж явно не сложнее физики ракетостроения.

— А что такое ракета? — спросила Эппл Блум.

— Потом расскажу. Думаю, тебе понравится!

— Хорошо! — Свити вытянула копыто. — Все вместе?

Оставшиеся кобылки также вытянули копыта и все втроём прокричали:

— Меткоискатели — забияк исправлятели!

Поздней ночью, когда луна уже давно пересекла свой зенит, Меткоискателей разбудил громкий вой.

— Что это было? — спросила Эппл Блум, проснувшись первой. Посмотрев в окна, она увидела в небе практически полную луну, серебром играющую на ветвях, но ни намёка на рассвет. Кобылка уже готова была повернуться на другой бок и снова уснуть, когда опять раздался вой. — Эй, вы слышали?

Потирая глаза, Свити выглянула из своего спального мешка.

— Что такое, Блум?

Ответом ей послужило новое завывание.

Свити Белль и Эппл Блум вдвоём вскочили и бросились к окнам под звуки неутраченного воя. Хотя луна и освещала сады и лес вдалеке, она не особо помогала разглядеть в деталях поверхность земли с высоты их домика. Свити распахнула дверь и вышла на заднее крыльцо.

Холодный ночной воздух ворвался внутрь, заставив ещё спящую Скуталу перевернуться и скрыться в спальном мешке с головой.

— Давай, Скут, вставай, — толкала подругу копытом Эппл Блум. Впрочем, ни она, ни метавшийся в комнате ветер не смогли ничего сделать, поэтому земнопони бросила затею и вышла на крыльцо к Свити.

Следующее завывание прозвучало куда громче без заглушавших его ранее стёкол и дверей, да ещё и в сочетании с подходящим порывом ветра. Скуталу с воплем выпрыгнула из постели.

— Какого сена тут происходит? — мгновением позже спросила она из-под потолка в дальнем углу.

Эппл Блум обернулась, чтобы заглянуть в хижину, и объяснила, что за звуки они сейчас слышали. Присоединившись к ним на крыльце, Скуталу перегнулась через перила.

— Похоже, они прямо под нами.

— Ага, я тоже так решила, — согласилась Эппл Блум.

— Думаешь, это опять древесные волки?

— Наверняка они.

Вой, который был одиноким и прерывистым, теперь зазвучал хором из нескольких голосов.

— Ух... — поёжилась Скуталу. — Звучит жутко!

— Ага, — подтвердила Эппл Блум, — жуть. У меня от этого воя мурашки по коже.

— Я думаю, он прекрасен, — сказала Свити Белль. — Их мелодия звучит невероятно грустно, но они продолжают петь.

Две подруги удивлённо оглянулись на единорожку. Та сидела на задних копытах, закрыв глаза и задрав нос, и лунный свет играл на её шёрстке, пока она слушала. Воющая песня перебирала струны её души, возвращая назад забытую вину за убийство волка. Конечно, Свити спасала своих друзей, но всё же она постоянно возвращалась мыслями к тому дню, думая, что наверняка был и другой путь. Даже если учесть, что он пытался...

*«Нет... не так, — подумала кобылка. — Это ведь не просто волк, это волчица-мать. «Она» — вот правильное местоимение».*¹

Даже если учесть, что она пыталась убить ещё и саму Свити, всё равно древесная волчица заслуживала лучшего. Она наверняка лишь защищалась или, может, пыталась защитить волчат, сейчас воющих внизу. Возможно, и в драку с Эпплджек и

¹ В оригинале вся драма была построена вокруг местоимений it (неодушевлённый предмет), которым ранее назывался волк, и she (одушевлённый), которым Свити начала его называть, когда прониклась.

Вайноной она вступила не по своей вине. И всё же в конце выбора не было. Либо волчица, либо Скуталу.

Слёзы засверкали в уголках глаз единорожки, пока её подруги молча смотрели.

— Думаю, они знали ту, которую я убила, — проговорила Свити, когда вой ненадолго стих. Открыв глаза, она повернулась к подругам. — Думаю, они здесь из-за неё.

Не зная, как лучше ответить, Эппл Блум просто пожала плечами.

— Я не уверена, что они вообще так мыслят, Свити.

— Да, — согласилась Скуталу. — Они, наверное, просто воют на луну, как обычно.

Единорожка поднялась и направилась обратно в домик.

— Я так не думаю, — обронила она, поднимая осколок, который вытащила из ноги во время предыдущей ночёвки. — Они скорбят. Я должна дать им попрощаться. Должна извиниться.

— К чему это ты клонишь? — спросила Эппл Блум. — Ты ведь не собираешься спускаться туда?

— Собираюсь.

— Это безумие! — воскликнула Скуталу, быстро загородив дверной проём.

— Всё в порядке, Скуталу, не переживай. Я не думаю, что они желают нам зла.

С этими словами единорожка исчезла во вспышке света.

Хлопнув копытом по лбу, пегаска вылетела за дверь, пока Эппл Блум бежала к лестнице.

Свити Белль не была идиоткой. Она телепортировалась на нижнюю часть лестницы, а не прямо на землю, что дало ей возможность осмотреться и преодолеть последние несколько ярдов пешком. Кобылка увидела трёх древесных волков неподалёку от ствола. Они были маленькими — по меркам своих собратьев — каждый лишь слегка больше Селестии. Они сидели неровным кругом, повернувшись друг к другу и высоко задрав морды к ветвям и луне. Когда единорожка спустилась, волки замолчали и повернулись к ней. С каждым её шагом они беспокоились всё больше, их глаза сияли ярче, а губы обнажали клыки. Свити могла чувствовать их напряжение, их волнение по поводу внезапного гостя. Для них такая реакция была совершенно естественной.

Позади раздался стук копыт по дереву, и волки зарычали. Свити обернулась и увидела приземлившуюся на ступеньки чуть выше неё Скуталу. Как только пегаска заметила волков, она широко раскрыла глаза, но всё же начала шагать вниз. Рычание усилилось, отчего Свити тут же вскинула копыто, приказывая подруге остановиться.

Однако тут же раздался ещё более громкий топот, и к Скуталу быстро присоединилась Эппл Блум.

— Девочки, не надо, пожалуйста, — тихо взмолилась Свити.

Наблюдая за светящимися глазами и рычащими глотками позади своей подруги, Эппл Блум и Скуталу не спешили соглашаться.

— Пожалуйста, — продолжала единорожка. — Я должна это сделать. Доверьтесь мне.

Доверие. Обе кобылки понимали, что не могли предать доверие подруги. Пусть даже она и действовала слегка безумно, но что ж...

Эппл Блум вернулась мыслями к тому дню, когда она впервые принесла нож в их клубный домик, надеясь, что друзья не оставят её, услышав ту странную историю. Надеясь, что они доверятся ей, а не сочтут сумасшедшей. Теперь ей самой надо было сделать то же самое для Свити.

— Хорошо, — сказала она.

Скуталу посетили схожие мысли. Пегаска вспоминала поддержку, которую оказывали ей друзья каждый раз, когда она загоралась очередной идеей получения меток. Потом они не раздумывая прыгали в тележку и позволяли везти себя через весь городок на сумасшедших скоростях. Свити заслужила её доверие, и потому Скуталу остановилась, кивнув в знак согласия.

Улыбаясь, единорожка обернулась обратно к волкам. Все трое, не переставая глухо рычать, подбирались к основанию лестницы. Свити сделала несколько неуверенных шагов вниз, навстречу им. С каждой пройденной ступенькой чей-то рык усиливался, либо следовало иное выражение беспокойства. Вспоминая уроки Флаттершай, Свити двигалась медленно, позволяя волкам привыкнуть к каждому её движению. Было очень важно вести себя предсказуемо. Благодаря всему этому кобылка могла спускаться, не провоцируя атаки. Когда Свити оказалась в дюжине шагов от конца лестницы, волки уже подошли к её основанию. Но стоило единорожке только попытаться сделать ещё шаг, как все трое ощерились куда более злобно, чем до этого. Они явно были готовы напасть, если бы она осмелилась спуститься ещё ниже, поэтому Свити после нескольких неудачных попыток поставила ногу обратно.

Кобылка знала, что если окажется в безвыходной ситуации, то всё равно сможет рассчитывать на свою магию. Она сможет удержать волков на месте, раздвинуть в стороны, откинуть прочь и много чего ещё... даже убить. Но она пришла сюда не драться. И стоило предположить, что они тоже. Вражды и так было предостаточно, пришло время просить прощения. Потому Свити сделала единственное, что ей оставалось.

Она закрыла глаза и запела.

Песня лилась низкими нотами — тихая поначалу, но усиливающаяся с каждым тактом. Она звучала из темноты длинными, размеренными звуками, нежно переливающимися по гармонии. Слов не было — по крайней мере известных пони — однако в каждом, кто слушал, пробуждалось тоскливое одиночество. С нарастанием громкости ноты сожаления и грусти медленно выстраивались в основную мелодию, переплетением ритма и тона взывая к более светлым и высоким идеалам. Дружба, семья и товарищество закружились в танце, добавляя стойкости и целеустремлённости. Они крепили, поддерживая и дополняя друг друга, перетекая в крещендо чистой, незыблемой и всепоглощающей решимости. Один за другим вступили древесные волки, их вой выражал любовь, потерю и надежду. Голос Свити танцевал между всеми тремя, гармонизируя, лаская и принимая каждого во всей полноте, прежде чем двинуться к следующему. Гармония четырёх голосов звучала всё громче, волны разделяемой боли сталкивались и разбивались в бесконечной буре страха, пока более мягкие ноты наконец не пристали к тихому берегу. Там они вздымались и опадали, плескаясь на фоне теперь уже солнечных тонов, исцеляя раненные тела и сердца. Вступительная мелодия полилась вновь, сверкая напоминаниями о былой грусти, однако на этот раз она смягчалась пробивавшимися тут и там высокими нотами, намекающими на лучший путь. Постепенно настроение песни стало ощутимо прохладнее, растворялись последние нотки тепла, оставленные крещендо. Угасая, мелодия возвращалась в темноту. Всё также звучал тоскливый голос, но теперь он был не один — ему вторил протяжный вой.

Скуталу и Эппл Блум застыли как вкопанные, разинув рты и не сводя глаз со сцены внизу, когда Свити Белль начала петь не-совсем-словами. Песня была удивительна сама по себе, ничего подобного они прежде не слышали, но ещё более удивительным оказалось то, как она подействовала на волков. Звери немедленно перестали угрожающе рычать, а ко времени, когда мелодия стала явной, все трое уселись перед лестницей, оставив достаточно места для Свити, чтобы та могла спуститься. И она спустилась. Вот это действительно поразило двух подруг. Свити Белль сошла с последней ступени и оказалась прямо между волками. Пока она пела, кобылка по очереди подходила к каждому из них, нежно касаясь их древесных тел своей лапой. Когда песня закончилась и угас последний вой, она стояла посреди волчьей троицы. Чары развеялись, и две кобылки наверху уже готовились рвануть вперёд, если произойдёт худшее.

Свити Белль открыла глаза и, улыбнувшись, оглядела волков вокруг себя.

— Спасибо, — сказала она со слезами на глазах.

Трое волков просто уставились на неё, медленно мигая светящимися глазами.

— Мне жаль, но это всё, что у меня есть.

Кобылка протянула лапу, где на ладони лежала щепка от убитой волчицы.

Принюхиваясь, один из волков шагнул вперёд. Он оглядел щепку, ткнулся в неё носом и отступил назад. Свити почувствовала, что это было прощание. Следующий зверь

сделал то же самое, но слегка поскуливая. Третий волк также осмотрел кусочек дерева, но после не шагнул назад. Вместо этого он избавил лапу кобылки от щепки, отставив ту в сторону. Потом, слизнув слёзы с её щеки, он избавил и её сердце от гнетущей вины.

Хихикнув от неожиданного влажного касания, Свити потянулась погладить волка. Дерево ощущалось причудливо тёплым под её лапой. Внутри мёртвой — на первый взгляд — кучи обломков чувствовалась жизнь, такая же неоспоримая, как и в самой кобылке. Зверь, казалось, почувствовал то же самое и плотнее прижался к лапе. Тут ближе подступили остальные волки, и Свити погладила по очереди каждого из них. Вскоре все трое уже тыкались носами и толкали друг друга, игриво соперничая за её внимание.

— Не верю своим глазам, — пробормотала Скуталу, уставившись вниз через перила.
— Эти древесные волки что, серьёзно...

— Ага... Они все виляют хвостами! — улыбаясь, воскликнула Эппл Блум.

Кобылка пригляделась получше.

— Знаешь, — проговорила она, прежде чем расхохотаться. — Думаю, Свити тоже!

Теперь и Скуталу обратила на это внимание, отчего тоже рассмеялась. Вдруг маленькая из-за расстояния, однако по-прежнему заметная вспышка осветила бок Свити Белль. Глаза подруг расширились. Свити только что получила кьютимарку.

— Я думала, твоя песня с шоу талантов была потрясающей, — говорила Скуталу, когда все трое уже вернулись в домик после ухода волков. — Но это... Чем бы оно ни было, его даже словами не описать!

Пегаска снова посмотрела на бок подруги, всё ещё впечатлённая новенькой меткой.

— Неудивительно, что ты не получила кьютимарку на шоу, раз уж ты можешь петь настолько круто!

— И всё-таки очень странная метка тебе досталась, — протянула Эппл Блум.

Свити изогнула шею, чтобы поглядеть на свой бок. Туда же уставились и остальные. На белой шёрстке красовался отпечаток волчьей лапы — или, может, механической конечности единорожки — окрашенный в голубой цвет, как её кровь и магия. На переднем плане расположились три перекрывающиеся ноты: две фиолетовых и одна розовая, повторяющие цвета её гривы. И две звёздочки в самом верху.

— Ноты вроде как подходят, если припомнить твои серенады с волками.

— Ага, я в своей жизни ничего круче не слышала! — воскликнула Скуталу.

— И всё-таки что это за песня была, Свити? — спросила Эппл Блум. — Я таких слов и слыхом доселе не слыхивала.

Единорожка улыбнулась, посмотрев на подругу.

— Без понятия. Я лишь слушала своё сердце и пела. Казалось, это всё, что я тогда могла.

— Что ж, как бы там ни было, у тебя всё получилось как надо. В жизни бы не подумала, что на моих глазах кто-то будет играть с древесными волками как со своими питомцами.

— Думаю, они приняли мои извинения, и это главное.

— А как это вообще произошло? — спросила Скуталу. — Ну, то есть, обычно древесные волки постоянно грызутся друг с другом.

— Я сама до конца не поняла, однако они точно знали волчицу, которую я убила. Это могли быть её детёныши или просто члены стаи, но, как бы то ни было, они пришли сюда искать её.

— Думаешь, они знали, что это ты её убила? — спросила Эппл Блум.

— Я в этом уверена. Для того и была песня. Я пыталась дать им понять, что у меня не было выбора, что мне надо было защитить своих собственных друзей. Они, кажется, поняли.

— Я рада, что ты смогла найти с ними общий язык и всё такое, — сказала Скуталу, — но с чего бы им мириться с тем, что ты убила их мать, или подругу по стае, или кто она там?

— Мне кажется, с ней что-то было не так. Древесные волки жестоки, конечно, но не более чем остальные дикие звери. Эта же громадина не останавливалась, не прекращала преследовать ЭйДжей, а потом и нас, хотя мы по сути не представляли ей угрозы. И к тому же я не думаю, что они должны вырастать до таких размеров. Возможно, она была больна. Может, у древесных волков есть какая-то своя разновидность бешенства, или она могла наступить в ядовитую шутку. Так или иначе, те трое волков, кажется, поняли, что у меня не было выбора. Они скорбели, но пропели своё прощание, не желая мести. Я просто чувствовала это.

И тут Эппл Блум наконец поняла. До неё наконец дошло. У них на ферме был переполох несколько лет назад, когда Вайнону укусил скунс. Он был похож на бешеного, и тогда Эпплджек рассказала, к чему может привести эта болезнь. Мысль о том, что любимый друг может сойти с ума и начать нападать на всех без разбора, была невыносимой. То, что единственным выходом могло быть убийство Вайноны собственными копытами, было ещё хуже. Вспомнив свои переживания о ней, Эппл Блум смогла понять, почему Свити чувствовала себя так плохо после смерти древесной волчицы. Даже после того, как та ранила Эпплджек; после того, как напала на них самих; после того, как оторвала единорожке ногу; даже тогда, видя зверя в худшие моменты его жизни, Свити Белль старалась увидеть лучшее.

Эппл Блум схватила подругу в крепкие и неожиданные объятия.

— Не смей меняться, Свити! — заливаясь слезами, проговорила она. — Не смей меняться!

Единорожка обняла ту в ответ, пусть и не очень понимала, с чего земная пони так расчувствовалась. Спустя некоторое время Эппл Блум убрала копыта и шагнула назад.

— Что это сейчас было? — спросила наблюдавшая со стороны Скуталу.

— Простите, — вытирая слёзы, но тем не менее улыбаясь, ответила Эппл Блум. — Просто, ну, наконец-то всё встало на свои места. Кажется, я знаю, что значит твоя метка, Свити. Ну, или часть её.

— Да-да? — с любопытством проговорила та.

— Ты получила её за то, что всегда стремилась видеть лучшее в каждом. Даже в Даймонд Тиаре. Даже в Сильвер Спун. Даже в гигантском древесном волке, который пытался тебя убить! Ты всегда пыталась видеть лучшее и потому смогла стать подругой бывшим врагам.

Единорожка не смогла сдержать улыбки от комплимента.

— Думаю, лучше и не скажешь.

— Но что значит остальное? — спросила Скуталу, показав на кьютимарку.

Свити призадумалась на минуту, прежде чем ответить.

— Для начала, думаю, тут есть буквальный смысл. Я люблю петь, и ноты это символизируют. Также у меня самой есть настоящая лапа, постоянное напоминание о моей истинной природе. Образно же, мне кажется, это всё выражает идею, которую я упоминала раньше: «будь верной самой себе». Для меня это значит две вещи. Во-первых, отпечаток лапы голубой, как и моя магия. Это моё внутреннее я. В этом выражается моя сущность голема и присущая мне невероятная сила. Подобно когтям, эта сила может быть опасной, даже смертельно опасной. Моя металлическая лапа служит напоминанием об этой звериной силе, а также о том, что я убила с её помощью. Во-вторых, ноты поверх лапы являют другую часть меня. Ту кобылу, которой я сама решила стать. Как сказала Эппл Блум, эта часть стремится видеть лучшее в окружающих. Это музыка, доброта, гармония, дружба. Все те вещи, что сдерживают дикую мощь внутри меня. Ноты впереди, потому что так я решила смотреть на мир.

— Примерно как когда ты могла покалечить Даймонд Тиару и Сильвер Спун, но вместо этого решила обнять их?

— Ага, я могла сделать с ними что угодно, не так ли? Ну то есть вообще что угодно. Связать, извлекать в грязи, ранить, даже убить... или хуже. Намного хуже. Моя магия невероятно сильна, а с великой силой...

— Приходит великая ответственность? — нетерпеливо закончила Скуталу.

— Нет. С великой силой всё больше хочется эту самую силу применить. Понимаете, вы обе получили метки за то, что использовали свои силы на пределе возможностей. А я получила за то, что не стала этого делать. Я могла сотворить что угодно с Даймонд Тиарой и Сильвер Спун. Могла сотворить что угодно с теми тремя волками. Но не стала. Вместо этого, как сказала Эппл Блум, я решила завести друзей.

Скуталу рассмеялась.

— Если так посудить, то это почти как если бы ты получила метку за то, что не стала убивать Сильвер Спун с Даймонд Тиарой.

— Я бы так не сказала, — рассмеялась в ответ Свити. — Но серьёзно, я правда жду, что вы тоже попытаетесь подружиться с ними.

— А что означают звёзды? — спросила пегаска. — На моей метки почти такие же, и теперь, когда я об этом подумала — над деревом у Эппл Блум тоже.

Подруги поглядели на свои кьютимарки, сравнивая все три между собой. Каждую украшали две звезды в различных местах над основным рисунком. Эппл Блум сообразила первой:

— А что если это как у Твайлайт? — сказала она. — Ну, знаете, на её кютимарке пять звёздочек символизируют остальных Элементов.

— Ты имеешь в виду, что для каждой из нас две звезды означают двух подруг?

— Ага, почему бы и нет?

Трое пони немного поразмыслили над сказанным, а потом в унисон закричали:

— Меткоискатели — сёстры-звёзды навек!

Слова автора: Как говорится, «писать про музыку — это как танцевать про архитектуру». Всё же я очень постарался сделать этот кусочек хорошо и надеюсь, что у меня получилось.

[Глава 9](#)

[Оглавление](#)

[Эпилог](#)